

**НИКТОРИЯ
МАЗУРОВСКАЯ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

На **СЧАСТЬЕ**

Никтория Мазуровская

На счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60806036

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03833-2

Аннотация

Посуда бьется на счастье – так утверждает народная мудрость. А жизнь, разлетаясь на осколки, как самый хрупкий хрусталь, тоже?! И есть ли смысл собирать осколки прошлого вместе: склеивать, шлифовать, заглаживая трещины, заживляя раны? Или все же жизнь разбивается на «до» и «после» ?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	27
ГЛАВА 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

ПРОЛОГ

У каждого человека в жизни бывали такие моменты, когда ничего не предвещало проблем, все шло прекрасно: хорошая работа, красивый дом, семья в порядке и любимый человек рядом, – все замечательно, а на душе тревога.

Сердце стучит гулко, отдается звоном в ушах и хочется зареветь в голос, заорать, умолять, чтобы ничего не изменилось, чтобы то счастье, что пять минут назад окрыляло и окрашивало яркими красками жизнь, никуда не исчезало, вернулось обратно.

Ксюша ощущала себя именно так, но хотелось не кричать, хотелось встать коленями на прохладный кафель ванной комнаты и молиться. Просить Бога, чтобы эта тревога на душе была простой женской мнительностью, а не предвестником катастрофы.

Но она не поддавалась этому иррациональному страху. Спокойно промокнула лицо полотенцем. Вдохнула жаркий воздух еще раз и смогла затолкать тревогу куда подальше. У нее много дел, клиентки ждут, а вечером важный ужин с будущим партнером ее будущего мужа.

Эта мысль вернула ей счастье, а взгляд сам собой зацепился за прелестное помолвочное кольцо с аккуратным изумрудом.

Тепло разлилось в груди, а на губах заиграла улыбка влюблённой женщины, счастливая и ласковая.

Прошли тревоги, спрятались.

Ксюша была уверена, что уж теперь-то она будет счастливой всегда, потому что встретила того, без кого своей жизни представить не могла, и не хотела. Ее любили и ее обожали, а она отвечала тем же. Разве не в этом счастье?

Она так задумалась, замечталась, что не услышала, как открылась дверь и в ванную уже в темных брюках и светлой рубашке зашел Давид.

К ней тихо подошел сзади и оплел своими руками ее талию, прижал к себе, вдохнул её волшебный запах, прижался своей щекой к разгоряченной от душа коже.

– Надень сегодня белое, – хрипло прошептал ей в шею, мимолетно поцеловал и посмотрел в зеркало на их отражение.

Его девочка лукаво улыбнулась, хитро блеснула глазами.

Красивая. Без косметики и мейк-апа. Без украшений и стильной одежды. Вот такая, красивая.

Кожа гладкая, кровь с молоком, легкий оттенок загара остался от отпуска, проведенного на море. Розовые губы, чуть припухшие от его поцелуев.

В белом банном халате и чалме, сделанной из полотенца.

Вот такая она совершенная. Смотрел бы и смотрел.

Ксюша, в зеркало, разглядывала его глаза, любовалась так же, как и он сам. Давид это знал, чувствовал. К себе креп-

че прижал. Не мог оторваться от нее сейчас, плевать, что уже, наверняка опаздывает, подождут. Они не так часто могли позволить себе такое утром.

Она обняла его руки своими, переплела пальцы вместе и откинулась всем телом на него. Жест безграничного доверия к мужчине, потому что только ему одному позволяла заходить к ней за спину, только с ним позволяла себе абсолютно расслабиться, и довериться ему во всем.

– Тебе же не нравится, когда я надеваю белое.

От ее голоса мурашки по коже, и появилось желание послать работу к черту и остаться дома. Сбросить с Ксюши халат и прямо тут усадить на край столешницы, заняться с ней любовью. Входить быстро и яростно, слышать ее стоны и не сдерживать свои.

– Мне слишком нравится, когда ты в белом, сразу хочу всем мужикам глаза повыкальвать, а тебя под замок посадить и не выпускать никуда. Чтоб белое -только для меня...

Ксюша на его провокацию поддаваться не собиралась, только улыбнулась понимающе, когда его возбуждение попой ощутила. Закрыла глаза, прикусила губу, стараясь сейчас контролировать каждый вздох, чтобы не соблазниться тем предложением, что в его карих глазах заметила.

– Я надену белое и специально для тебя, то белое, которое, кроме тебя никто не увидит.

Давид судорожно сжал её пальцы и глухо выругался.

Какая к черту работа, когда ему откровенно обещают на-

цепить на себя белое атласное с кружевом белье? Он тот комплект по гроб жизни помнить будет. Секс в примерочной, прямо в бутике нижнего белья,— такого никто забыть не сможет. Полный экстрим, ощущения на грани, слишком остро и слишком мало. Он грозился тот магазин выкупить, если она не прекратит над ним издеваться. Прекратила, задрожала в его руках и ему ее стон пришлось собственными губами заглушать.

Ксюша знала, что сейчас завела его больше некуда и ждала что же он сделает. Воздух в ванной заискрился от напряжения, от искушения.

Но, у обоих были дела, которые отложить нельзя.

Давид расцепил руки, отошел на шаг.

Ксюша взяла в руки баночку с кремом и начала тот наносить на лицо.

Мужчина наблюдал. Любил этот момент. Когда Ксюша становилась другой, из домашней превращалась в бизнес-леди. Наносила макияж, творила что-то невообразимое с тубиками, красками, помадами. А потом думала, как лучше уложить волосы, что будет сочетаться с ее настроением.

Он искренне не понимал, какой там может быть выбор с ее каре? Но жизнь с этой женщиной ему наглядно продемонстрировала, что многое, очень многое.

— Я ушел, до вечера, — снова подошел к ней, повернуло ее лицо чуть в сторону и поцеловал в губы, едва ощутимо, — Люблю тебя.

– А я тебя!

Давид улыбнулся во все тридцать два и ушел.

А Ксюша... схватилась рукой за шею, прикрывая то, чего там уже давно нет. Дышала с трудом и сердце бешено колотилось.

Силой воли заставила себя опустить руки, вцепилась пальцами в мрамор со всей силы.

Она одна. Свет горит ярко. Никаких теней. Никого за спиной. Только она одна.

Только она...

ГЛАВА 1

Пять лет назад.

На улице становилось темно, зажигались фонари, освещая улицы для жителей города.

Давид со смешанными чувствами наблюдал за тем, как фонарь за фонарем вспыхивали, озаряя своим светом накалывающую на лицу темноту.

Сидел в удобном мягком кресле, улыбался шуточкам друзей. Но нет-нет, да поглядывал на дверь. Именно вход вызывал двойственные эмоции.

Напряжение, и даже едва уловимую злость, потому что опаздывает, или вовсе решила не идти никуда. И предвкушение, болезненное, мучительное, от которого сердце захлопывается удовольствием и болью, потому что увидит ее.

Его наваждение. Его мука. Его лучший друг. Его соратник. Его... к сожалению, не его девушка, но та, ради которой он бы пожертвовал всем, – своей жизнью, если бы потребовалось.

Ежегодная встреча одноклассников без ее фееричного появления проходила скучно, блекло. Для него. Для остальных, – а набралось на данное время человек десять, – нормально, удовлетворительно.

– Смолов, аууу, ты где? – перед его лицом Олька помахала ладошкой, потрепала его по волосам, привлекая внимание, – с детства терпеть не мог, когда кто-то волосы трогал, – Да придет твоя зазноба, придет, – уже замужня дама покровительственно хлопнула его по плечу.

Давид перевел взгляд на бывшую одноклассницу, вперил в нее очень недобрый взгляд. Что ж, возможно с виду его нельзя было назвать грозным, но смотрел на людей он всегда убийственно, этого не отнять. Темперамент был бешеным, контролировать свой характер было тяжело, но к двадцати двум годам он сумел обуздать эмоции и дисциплинировать ум.

Правда, когда такие вот «подруги», как эта, начинали мелькать перед глазами и пытались корчить из себя что-то большее, чем они есть, его выдержка подвергалась испытанию. Придушил бы ее за этот покровительственный тон и жест. Размазал бы.

Олька отшатнулась от него, чуть было не споткнулась о ножку столика и шлепнулась на свое место, хватая ртом воздух. В уме все проговаривала про себя, что Давид совсем кукушкой по своей Ксюхе двинулся, уже и слова не сказать ему. Мудак!

Народ за столиком, наблюдая эту сцену, малость притих и пропустил появление нового действующего лица.

– А че так тихо-то, ребят?!

Ксюша шагала к ним, улыбаясь во все тридцать два. Улы-

балась ярко, открыто, со всей душой радуясь встрече с друзьями.

Подошла к столику и начала со всеми обниматься-здороваться. Ребята оживились, смеялись и подкалывали кто кого, как это обычно бывает в большой компании, дружившей многие годы.

Ксюха, пока бежала от автобуса, успела немного продрогнуть, не посмотрела с утра на сводки погоды и оделась легко.

Девушка скинула куртку и кинула на спинку кресла, туда же отправилась сумка. Сама же подошла к Давиду, оглядела его не без удовольствия, но не подколоть не могла.

– Боже, Смоллов, да ты никак вес набрал?! – она хлопнула поднявшегося парня по животу, и тут же крепко обняла, – Сто лет тебя не видела.

Давид со сдержанным удовольствием обнял подругу, вдохнул родной и привычный запах, и отступил от нее на шаг, но рук с ее тонких плеч не убрал. Смотрел на нее, любовался. Оглядывал ее фигуру, подметил, что она-то как раз наоборот, похудела, стала еще красивей, еще совершенней.

Когда же взгляд поднялся выше и остановился на ее глазах... сердце биться перестало, а пальцы на руках произвольно сжались в кулаки. Ксюша вскрикнула, вырвалась из его хватки и что-то шутливо сказала про его силу. Но смотрела на него обеспокоенно и даже немного печально.

Это отрезвило. Жалость – не то чувство, которое он бы хотел получить от нее в свой адрес.

– Да ты никак, малышка, в настроении?

Они сидели совсем рядом, прямо, как в школе, и привычно обсуждали дела, обмениваясь новостями.

Все, как и всегда.

Только теперь Давид присматривался к ней, подмечал заметные только ему мелочи в ее поведении, которые только подтверждали появившуюся догадку.

Как мечтательно Ксюша улыбается своим мыслям, забывшись смотрит в окно и накручивает длинный локон на палец, а опомнившись, щеки её едва заметно краснеют. Глаза сияют тем самым светом, что говорит о влюбленности. Телефон в руках вертит и все посматривает на входящие сообщения.

Он ее друг, знает ее с детства. Их родители дружили, они росли вместе. Сколько себя помнил, – она всегда была рядом. Всегда. Даже в школу их отдали вместе: его на год позже, а ее на год раньше. Одиннадцать лет за одной партой.

Она воспринимает его другом и братом. Не допуская ни одной даже мысли, даже намека на какую-то романтику с его стороны, верит ему безоговорочно, всегда принимает его сторону даже тогда, когда он не прав.

Она понимала его без слов, потому что он не говорил до шести лет (детская травма). Не смеялась над ним никогда, когда не мог нормально выговаривать слова, когда картавил и заикался. Она лупила парней в школе, старше себя, если они смели издеваться над ним.

Ксюша навещала его в больнице постоянно, – а он был

там частым гостем. В детстве болел много, был высоким и тощим. Это уже после шестнадцати начал набирать вес, обрастать мускулатурой, и родители разрешили сделать операцию по коррекции зрения. Избавился от надоедливых очков.

Она не боялась его буйного характера. Это в детстве она защищала его, а вот в юношеские годы, когда Ксюша округлилась в положенных местах, уже он лупил всех подряд за взгляды и пошлые шуточки в ее адрес.

Его таскали к директору, вызывали родителей в школу, но год от года бешеный нрав брал свое. Если что втемяшил в голову, все, — не переспоришь никогда. Он не был тупым задирой, любил учиться, обожал математику и физику. Также его увлекала история, а позже, в старших классах ему по нраву пришлась экономика и право. Но учителя с ним намучились. Давид мог с ними спорить, возражать их утверждениям, и приводить аргументы к своим словам.

Он был катастрофой, именно был.

Пока однажды, своим разбушевавшимся нравом не уследил за языком, и сказал то, чего не думал. Обидел единственного настоящего друга.

Ксюша же просто хотела его успокоить, чтобы не было очередной драки из-за пустяковой шутки старшеклассника.

Ну, подумаешь, назвал он ее не слишком приличным словом, так не потому, что так думает на самом деле, а потому, что обиделся на ее отказ сходить с ним в кино.

Давид пришел в бешенство от ее попытки защитить

эту падаль. Перед глазами пелена красная, в крови чистая ярость.

Прошелся по ее поведению, раздаваемым направо и налево улыбкам всем мудакам в школе. Оскорбил ее внешний вид. Она, как и все девчонки в ее возрасте, красилась и носила короткие юбки, но в рамках приличий. Но, даже сейчас, вспоминая, ему становится стыдно. Стыдно от слез в ее глазах. От его обидных слов.

Она не говорила с ним неделю. Сидела рядом на уроках,— и ни слова, ни взгляда. Не упрекнула, не обозвала никак. Была рядом, и в тоже время нет.

За ту неделю, из буйного молодого парня он превратился в кого-то другого. Того, кто отвечает за свои слова и поступки. Следит за языком и за своим поведением. От его спокойного, но убийственного взгляда другим становилось некомфортно, страшно.

А еще за ту неделю он понял, что любит. Ксюху свою любит. И никто другой ему не нужен. Вот только его Ксюха смотрела на него по-другому. И он это принял. И никогда не пытался перевести их отношения в нечто большее.

Он не страдал молчаливо, не надевал на себя пояс верности.

Жил нормальной полноценной жизнью. Учился, вникал в дела отца. Спал с другими женщинами, получал от ничего не значащих связей удовольствие,— физическое, конечно же. Общался с Ксюшей. Они встречались, созванивались. Как

и прежде были близки.

Давид запрещал себе думать о ней иначе, потому что знал: стоит только вырваться на волю истинным чувствам и желаниям, он не удержится и однажды натворит дел. Испортит то, что имеет сейчас.

И так, рядом с ней контролировать себя было трудно. Хотелось до боли забрать ее себе. Спрятать от всех и всего. Закрыться в квартире, прижать и не отпускать.

Но в последнее время начались странности. Они меньше виделись и общались. Ксюша какая-то странная. То веселая, то грустная. И глаза горят, сверкают, практически слепят своими чувствами.

А сейчас, видя, как она крутится, нервничает, и при этом выглядит счастливой, подозрения стали фактами.

Ксюша влюбилась.

У него в груди все застыло. И начало медленно гореть. В яростном огне злости и ревности.

И лучше бы ему уйти, потому что слишком велико желание схватить ее, трясти со всех сил и заставить назвать имя. Имя того счастливчика, что сумел завоевать сердце его любимой девушки. А если он будет знать имя, то найдет, а уж если найдет, то... Лучше ему прямо сейчас уйти, сослаться на дела, и уйти.

– Как родители? Давно их не видела.

Ксюша придвинулась ближе к Давиду, внимательно

осмотрела нахмуренные брови, сжатые зубы, и сама напряженно замерла.

Не могла понять, что так взбесило Давида, что так из себя вывело. А то, что он едва держит себя в руках, она видела прекрасно.

Давид к ее вопросу остался безучастным, будто не услышал, потому что находится не здесь.

Какое-то нехорошее чувство забралось внутрь, и всю веселость, радость и хорошее настроение ледяной водой смыло. Стало страшно. Не за себя, а за него. Характер у друга был непростой, и порой он мог выйти из себя до такой степени, что сбивал костяшки пальцев в кровь, круша все вокруг. Но хуже было, когда оставался вот таким. Спокойным, сдержанным, но на грани. Когда принимал важное решение и больше от него не отступал.

Холодная ярость в глазах и бешенство, заметное по сжатым в кулаки рукам. Другим все равно, им пофиг. Но ей... он важен для нее, близок. И когда он в таком состоянии, значит, что-то случилось.

Тогда почему он ей не говорит? Еще пару дней назад все было нормально, а теперь...?!

Она тронула его за руку, привлекая к себе его внимание, и задохнулась под этим яростным взглядом: показалось, что именно она, именно ее появление вызвало в нем такую бурю.

У нее руки похолодели, в сердце что-то будто сломалось, и оно начало биться с перебоями.

Ксюша задохнулась. Задохнулась от той боли, что увидела в глубине серо-зеленых глаз. Будто он впервые не смог ее спрятать. То, что его изнутри грызло, убивало.

Она отдернула руку, словно ошпарившись о кипяток, а Давид на этот ее жест скривил в непривычно насмешливой улыбке губы. В насмешке над самим собой.

Он резко наклонился к ней, прижался своими губами к ее губам, в жадном и скупом поцелуе.

– Прости за это, малыш, – погладил ее по щеке, стирая откуда ни возмись появившиеся слезы, – Родители в порядке, ссорятся, а потом мирятся. Все, как всегда. Отец снова предложил продолжить учебу в Англии...

Ксюша сидела молча, затаив дыхание и сдерживая слезы. Отошли на второй план замолчавшие друзья, обслуживающий персонал. Весь мир перестал существовать. Все мироздание сосредоточилось сейчас между ними. Давид уходил. Отпускал ее. И ее просил сделать то же самое.

Она теряла единственного друга. Обязана была потерять, потому что только сейчас он позволил ей увидеть правду. Правду о той боли, что столько лет она причиняла ему своей слепотой, своим невниманием и непониманием его чувств.

Боже! Она мысленно взмолилась, просила сил и мужества не наделать глупостей.

Ком стоял в горле, Ксюша не могла выговорить ни слова. Боль пожирала сердце. Вина давила на грудь, мешая сделать хоть один полноценный вдох.

–... и я соглашусь.

Его слова врываются в ее сознание. И она понимает, что не остановит Давида. Никогда и ни за что. Не потому, что не хочет, а потому, что не имеет права.

Давид ждал.

Ждал от нее хоть каких-то слов. Жадно вглядывался в родные черты, в любимые глаза, полные слез. Полные слез и решимости.

Его девочка моргнула, слезы снова коснулись щек.

Надежда все-таки умирает последней.

Она вдруг резко придвинулась к нему ближе, обняла что есть силы, и шепнула:

– Будь счастлив!

Практически приказала ему. Не просила. А приказала.

И ему больше ничего другого не оставалось, – только уйти.

Ни с кем не прощаясь, забрал свое пальто и пошел к выходу. Ему не страшен был холод и темнота. Безразличие накатило со всей своей возможной силой.

Давид не обернулся назад. Не хотел видеть ее взгляд, виноватый, болезненный.

Он хотел запомнить другое: ее губы на своих губах. Вкус. Запах. И то, как горят собственные пальцы от прикосновения к ее коже.

Пусть эти воспоминания останутся с ним. Пусть с них начнется новая жизнь.

Неловкую тишину и кучу косых взглядов от друзей прервал телефонный звонок, и Ксюша схватилась за телефон, как утопающий за соломинку. Пытаясь спастись и не утонуть. Она трусливо схватила свои вещи, и, не прощаясь ни с кем, выбежала на улицу.

Сбежала. Пусть. Трусиха жалкая. Ну и ладно. Свое душевное спокойствие ей сейчас важнее, чем косые взгляды от друзей.

А телефон все звонил и звонил. Кто-то жаждал с ней общения.

На экране мелькала фотография красивой женщины с пронизательным взглядом. Мама.

– Да, мам, привет! Как у вас дела? – Ксюша стала на ходу натягивать на себя куртку, придерживая телефон плечом.

– Ну, наконец-то, ты ответила, я уж думала трубку не возьмёшь, – мама взволнованно зашебетала, пересказывая все новости с отдыха.

Ее мама, Камилла Витальевна Волжина, вышла замуж во второй раз не так давно, и всюю наслаждалась налаживанием личной жизни в брачном путешествии по Европе. Женщиной она была интересной, красивой, умной. Иногда излишне мнительной, как сейчас, например.

– У тебя все хорошо? Я сегодня говорила с Ираидой, она сказала, что у ее троюродной сестры, ну ты помнишь, Зина, которая с бородавкой на носу... так вот, что у этой Зины

пропала дочка твоего возраста. Ксюшенька, что-то мне не по себе. Не ходи одна по улицам, вдруг это маньяк какой?

– Мам-мам, успокойся. Сколько раз тебя просить не шептаться с Ираидой, она верит всему и каждому. Ты забыла, что недавно она предрекала конец света?!

Мама засмеялась, и Ксюша тоже.

Соседка с первого этажа, та самая Ираида, обожала смотреть телевизор, и как правило, верила всему, что там говорят. И недавно, эта весьма упитанная женщина далеко за пятьдесят, готовилась к концу света, о чем в курсе был весь их дом и два ближайших магазина продуктов.

– У тебя точно все хорошо? Голос какой-то странный.

Ксюша шла и не знала, что она может сказать маме в ответ на такой вопрос. Все ли у нее хорошо? Нет, не все хорошо.

Она дура, слепая курица. Ей было больно, плохо, хотелось кричать и винить в случившемся всех подряд. Ну неужели никто не мог ей глаза открыть, неужели никто не мог ей ничего сказать?

А если бы сказали? Если бы ткнули носом, что бы изменилось?

– Давид уезжает в Англию, – хрипло выдавила из себя, в груди камнем застыло сердце, а мама на том конце линии молчала, – Мам, ты слышишь?

– Да-да, слышу, малыш, конечно. Уезжает? Может быть, так нужно, Ксеньчик?

И что-то в голосе мамы ей подсказало, что мама не бу-

дет ничего уточнять. Ведь несколько лет Давид упорно отказывался ехать учиться в другую страну, а тут вдруг решил-ся посреди учебного года. Ее мама знала или подозревала, а раз сейчас ничего не говорит... возможно так действительно правильно?

– Да, наверное, мам, так нужно.

– Не расстраивайся малыш, хорошо?

Ксюша кивнула, но маме этого видно не было, и всё же они чисто интуитивно друг друга поняли.

– Когда вы возвращаетесь? Я соскучилась уже.

– Малыш, через две недели будем, я тебе столько всего накупила, не поверишь!

Еще минут десять они болтали о разных женских штучках, то есть практически ни о чем. Но Ксюше стало немного легче.

Под ногами простиралась дорога, ведущая к дому, телефон пиликнул о входящем сообщении: «Жду возле дома!»

Но сердце почему-то не забилося быстрее, улыбка не появилась на губах, как раньше, при виде сообщения от этого абонента.

Ксюша ускорила шаг, желая побыстрее добраться до нужной улицы. Увидеть знакомый силуэт, вдохнуть уже ставший родным запах, и спрятать лицо в отворотах мягкой ткани пальто. Почти, как наяву ощутила руки, обнимающие талию. И тепло разлилось по всему телу.

Она была влюблена. В мужчину, старше ее на добрых семь

лет, но ее не смущала разница в возрасте. Она парила на крыльях любви, ничего и никого не замечая. Любила, как только может любить впервые в своей жизни молодая и неопытная женщина.

Прогуливала пары, игнорировала встречи с друзьями, исчезала с вечеринок, лишь бы провести время с ним.

Сегодняшний вечер не стал бы исключением. Но... что-то внутри подсказывало, что даже самый сладкий и самый желанный поцелуй Саши не изгонит из души уже поселившуюся там тоску по потерянному другу.

Они познакомились совершенно случайно, Ксюша налетела на него в торговом центре, и проехала бы носом по кафелю того же центра, не подхвати он ее вовремя.

Взрослый мужчина, красивый и привлекательный. В костюме-тройке, с великолепными манерами и чудными глазами, в которых плещется любопытство и смешинки.

Он предложил угостить ее кофе. А она не отказалась.

Да, первое что цепляло в нем, -это внешность. Но Саша был интересным собеседником, много знал, много видел. Они проговорили часа два, прежде чем ему позвонили, и он был вынужден уйти по делам. Но обменялись номерами телефонов.

С того момента Ксюша кинулась в эту первую влюблённость в своей жизни, как в омут с головой.

Она ждала каждой встречи, каждого звонка, каждого сообщения.

Сходила с ума, если за день не услышала его голоса.

Она таяла, как тот снег по весне, когда Саша уверенно и властно брал ее за руку.

Горела первым страстным огнем от его поцелуев и забывала о стеснительности, когда умелые руки касались тех мест, которые никто прежде не трогал.

Он был ее первой любовью, первой страстью и первым мужчиной.

Он был ее огнем, а она сама была мотыльком. Потому, как рациональная часть ее сознания, не затуманенная шквалом эмоций, считала, что все это ненадолго. Что в этой волшебной сказке просто обязан появиться злодей. Возможно, в виде жены и пятерых детей, или красавицы невесты.

Так или иначе до этого дня все было слишком идеально.

И в душе, кроме тоски и вины появилось новое ощущение, ожидание чего-то страшного. Ужасного настолько, что у нее мурашки побежали по коже, а волосы на затылке дыбом встали.

Ксюша остановилась прямо посреди тротуара и оглянулась вокруг себя.

И жгучее ощущение в затылке исчезло. Предчувствие испарилось.

Кажется, ее нервной системе нужен отдых, — слишком много впечатлений за один день.

Две недели спустя.

Мама и ее новый, теперь уже точно муж, решили еще на недельку задержаться, продлить свой отпуск, пока обоим это позволяет работа.

Кто-то был бы таким исходом недоволен, но не Ксюша. Наоборот, она была рада.

Рада, что мама не увидит ее плачевного состояния и накатывающей депрессии.

Ей казалось, что ее жизнь разваливается по частям. Как будто она была каким-то хрустальным шаром, а кто-то взял и со всей силы жахнул этим хрупким шариком о бетонный пол.

Первым осколком был Давид, — он уехал. Исчез из ее жизни. Только и написал, что у него все хорошо. Она пыталась ему позвонить, но номер оказался «вне зоны», а потом и вовсе перестал существовать. Тогда Ксюша предположила, что Давид перешел на другую симку и позвонила его родителям, чтобы узнать новый номер.

Но..., те выполняли требование сына и номер не дали, извинились за это, конечно, но попросили дать их ребенку время, чтобы наладить свою жизнь.

Разве Ксюша могла сделать не так, как ее просили? Нет. Давид вычеркнул ее из своей жизни, совсем. Ни номера телефона, ни почты, ни контактов в соцсетях. Ничего.

Ее долг, как друга, перестать искать и дать ему жить нормально, без напоминаний о себе.

И она смирилась. Заставила себя это сделать. Правда, эгоистичная сторона ее природы была глубоко обижена, но и это со временем пройдет.

Вторым осколком стал Саша.

Она за эти месяцы не задавала ему вопросов, не спрашивала его о семье, о работе. Просто боялась этих тем. Страшилась, что они разрушат ее сказку раз и навсегда.

А вчера он огорошил ее новостями. Ему нужно возвращаться, так как те дела, ради которых он сюда приезжал, завершены.

И возвращаться не в другой город, а в другую страну.

Сегодня их последний вечер.

Он ждет ее возле дома, оттуда они пойдут куда-нибудь ужинать, потом погулять по городу... Поговорят, наверное, о том, что ждет их дальше.

Руки сильнее сжимали коробку с новым заварочным чайничком-, старый она вчера разбила, на счастье, наверное. Ноги почти перешли на бег.

Но вдруг стало страшно и холодно. Мурашки по коже, и волосы дыбом.

А впереди показался знакомый силуэт в кашемировом пальто, правда, тень от фонаря падала так, что видны только очертания фигуры.

В кармане куртки запиликал телефон о входящем сообщении, но она не обратила на это внимания.

Она спешила навстречу мужчине.

Не отпускала его неподвижную фигуру взглядом, но в их дворе была парочка неудобных выбоин в асфальте, и Ксюша чуть не упала из-за одной такой.

А когда снова подняла взгляд, Саша куда-то исчез.

Сердце тревожно забилось, накатила паника.

Ксюша достала телефон из куртки с намерением позвонить Саше, но увидела сообщение от него: «Малыш извини, я улетаю сегодня, срочно нужно на работу. Позвоню, как буду на месте, и мы поговорим. Целую!»

Она не успела ничего сделать, даже осознать смысл прочитанного.

За спиной стоял человек. Близко. Его дыхание шевелило волосы на затылке. Одно его присутствие вызывало паралитический ужас у всего ее существа.

– Помо... – она задохнулась собственным криком о помощи, захрипела.

Пальцы выпустили в свободный полет коробку с новым чайничком, послышался характерный звон разбитого стекла.

Она стала третьим осколком, который разлетелся на миллионы маленьких кровоточащих частиц.

Но кто-то сказал, что посуда бьется... на счастье.

Только в счастье она больше не верит.

ГЛАВА 2

Вечер, темнота. Типичный двор многоэтажного комплекса зданий, недавно заасфальтированная дорога (солнечными друзьями из Таджикистана), опять вся в выбоинах. Фонари светят через раз.

Жители спешат домой. Кто-то идет, уткнувшись в телефон и с наушниками в ушах, – такие не заметят даже летящую на них на полной скорости машину. Кто-то же, усталый, с работы, с тяжелыми сумками, нагруженными продуктами, не замечает никого и думает только о том, как бы побыстрее попасть домой, руки от тяжести неприятно режет, и они немеют. Мерзнут. Кто-то же наоборот, бдительно оглядывается по сторонам, с любопытством поглядывает на окружающих и мысленно всем дает свою оценку: от бедра пошла молодуха в красивой одежде, и вся расфуфыренная – значит, шлюха; идет женщина средних лет с пакетами и там явно позвякивают стеклянные бутылки – по любому алкоголичка сама, или муж (если он есть); странный мужик в пальто шагает за девицей... той, что расфуфыренная – хахаль. Человек презрительно качает головой и идет по своим делам. Ему невдомек, что на самом деле происходит. Он пропустит мимо ушей испуганный вскрик, и даже не вздумает повернуть-

ся и просто посмотреть, что же случилось.

Он будет костерить окружающих, будет говорить о падении нравов, о том, что молодёжь не читает книг, не смотрит хорошего отечественного кино, а все больше гуляет по барам, пьёт и шляется со взрослыми мужиками. Человек будет считать себя выше других. Но так ли это есть на самом деле? Даже не задумается о том, что его надменность и полное безразличие к бедам других, помогло случиться ужасному.

Чужая рука на ее лице закрыла рот и нос, Ксюша не могла крикнуть и не могла вдохнуть. Пульс стучал в висках, в ушах шумело.

На шее удавка. И дыхание: сиплое и нетерпеливое. Мерзкое.

Она ощущает холод, ветер. Как чужие руки растягивают одежду, рвут колготки и тянутся к белью.

Она все это осознает умом, но поделать ничего не может. Замерла истуканом. От страха в глазах темнело, а тело начало неметь, кожа будто покрывалась льдом, замерзала.

Вокруг огромный город и темнота подворотни.

Ее приложили головой о стену, по замёрзшей коже потекли горячие струйки крови, но обидней было за светлое пальто... странная мысль.

В голове набатом: «Саша!»

Она мысленно тянется к нему! Зовет! Кричит! А он не

слышит!

«Саша! Саша! САША!»

Рот был закрыт, но шея освободилась. Она ощущала себя будто пьяной, не могла стоять на ногах.

И последнее, что помнит – это глаза.

Холодные, жадные. В них она увидела свою смерть.

А Ксюша... она хотела жить. Несмотря ни на что, она хотела жить.

Даня и Кир – братья близнецы. Вместе в школе, вместе в универе. Как раз возвращались с гулянки и были навеселе, но еще способные дойти до дома самостоятельно. Не на автopilоте, а очень еще даже соображая.

До дома оставалось минут пять ходу, они шли и возбужденно обсуждали кто сколько выпил, кто к кому подкатил и так далее. Два молодых парня, которых больше интересуют девчонки и секс, нежели учеба. Первый курс, вкус практически вольной жизни. Но все же шли пешком и через дворы, чтоб мамка не пропалила как от них несет алкашкой и куревом.

Обычно-то ездили на автобусе, а тут решили пройтись, проветриться.

Видимо, это была судьба, не иначе.

Кир первым заметил какую-то возню в тупиковом пово-

роте, а дальше шли гаражи. И звук. Хлюпающий. Сначала посмотрел туда и решил, что парочка не дотерпела до дома, даже собрался пошутить, но почему-то замер на полушаге и присмотрелся внимательней.

Картина ужаснула.

Девушка ревела. И дралась с мужиком, больше ее ростом и комплекцией. Отбивалась и царапалась.

– Эй, мужик, ты че делаешь? Я ща ментов вызову! – Кир заорал, как дурной и кинулся в подворотню, Даник потащился за братом.

Громила отскочил от девушки, отбросил что-то в сторону и натурально зарычал на них и кинулся с кулаками.

Их, конечно, было двое, но спортом никто из них не увлекался, поэтому раскидал он их легко и убежал. Они и очухаться не успели, а того мудака и след простыл.

Даник приложился о стену, ободрал руку, но на ногах стоял твердо, а вот Кир упал и стукнулся головой, у него все пространство кругом шло.

Но они оба смотрели на девушку и не знали, что делать.

В разорванной одежде, с проступающими синяками на шее.

Глаза, полные ужаса и паники, слезы, размазанные по лицу, поплывшая тушь. Руки дрожат, ногти обломанные и в крови, держит полы пальто и пытается его застегнуть, но не хватает пуговиц.

Но хуже было с лицом.

Отпечатки пальцев на лице еще не проступили синяками, но заметны из-за разводов туши. И кровь.

Они оба только сейчас начали понимать, что тут произошло. Практически под носом у кучи людей, идущих по улице.

Даник прокашлялся и подошел ближе, но девушка отскочила и что-то захрипела, задрожала еще сильнее.

– Я тебя не трогаю. Он ушел, видишь, – он поднял руки раскрытыми ладонями вверх, показывая, что не причинит вреда, – Ты... ты... он успел что-то...

Но ответа не потребовалось. Успел.

Пусть и было темно, но брат уже светил фонариком от телефона и звонил ментам.

Даник заметил голые икры, почему-то один сапожек на ноге, пальто было до середины бедра и по внутренней стороне стекала белесоватая жидкость.

Гением тут быть не надо, и так ясно.

Весь хмель выветрился из головы моментально.

Эти ее глаза, полные ужаса, паники и дикой ярости, зрачки почти на всю радужку он запомнит на всю жизнь.

Когда девчонка посмотрела на свои бедра... зашаталась, ее всю ощутимо потряхнуло, и она съехала по стенке, теряя сознание.

Рядом завывла сирена подъезжающих машин.

Что может ощущать мужчина, отец двоих детей, когда ему звонят среди ночи и говорят, что его старшая дочь, живущая в другом городе, сейчас находится в больнице?

Это пугает любого родителя, который любит своего ребенка.

Петр Афанасьевич с дочерью был не в самых лучших отношениях, но звонил ей раз в неделю и пытался эти самые отношения наладить.

После развода с ее матерью, Ксюша встала на ее сторону и отказалась даже попытаться услышать его, ее отца.

Не брала у него деньги, хотя он регулярно их высылал, отказывалась от подарков даже, врученных на ее день рождения. В общем, объявила бойкот. И несколько лет его игнорировала. Чуть повзрослев, переросла, и пыталась наладить отношения.

Петр был хоть порой и резким, но единственную дочь любил, и зла на нее никогда не держал. Потому ухватился за возможность перемирия двумя руками и даже зубами.

Дочь выросла, вот-вот должно его малышке стукнуть двадцать два, совсем взрослая и самостоятельная. Хотя для него она всегда будет маленькой принцессой.

В последнее время, живущая одна в квартире, – мать то усвистала в брачное путешествие. На его взгляд, слишком рано дочь начала сама жить, пусть и недолго. Не среди небожителей живут ведь, а в реальном мире.

Он пытался дочь к себе упросить переехать, да все никак,

уперлась рогом, и все тут.

А теперь вот звонок офицера полиции и сообщение про больницу.

Ему стало страшно и тревожно. С роду его малышка никогда в больнице не лежала, даже в детстве. Вот к другу своему бегала, да. Но, чтоб самой болеть и лежать, – нет.

Она у него крепкая, вся в отца. Жизнь любила.

Но когда он спросил почему его дочь в больнице и записывал адрес, где именно, услышал «На нее напали. Нападавший скрылся с места преступления...»

Формулировка могла подразумевать ограбление, просто шпана на улице прицепилась, да что угодно.

Но подумалось сразу о худшем. Когда говорят нападение, понимать под этим нужно изнасилование.

Ему не требовалось никаких доказательств, он уже знал, что ЭТО случилось с его малышкой. Сердцем знал.

Он преуспевающий юрист. Он знает, что такое жертва изнасилования или жертва насилия.

Как-то даже целое исследование пришлось прочитать и вникнуть, потому что вел дело в суде, где против его клиента были подобные обвинения. Недоказанные, кстати.

У него поджилки затряслись и задрожали ладони, стоило представить через какой ад будет каждый день проходить его девочка, чтобы пережить этот кошмар.

Пришлось вызванивать водителя, сам за руль сесть побожлся, не то состояние. И лучше никому не станет от того, что

он вмажется в столб или другую машину.

Пётр давно закаменел и мало что его трогало. Все думал: самое страшное, что было в его жизни – это дочь, отказавшаяся с ним общаться.

Его не трогали проблемы клиентов, не трогали мировые проблемы. Политика, войны и голодающие дети в Африке.

Он был эгоистом и волновался о себе и своей семье.

Теперь же на голову обрушилось понимание – самое страшное, что он отец, не сумевший защитить своего ребенка от ужаса, от насилия, и вряд ли теперь она сможет ему доверить свою безопасность.

Он мужчина, а значит, сейчас он ее враг.

Городская больница. Запахи лекарств и дезинфицирующих веществ.

Врачи и медсестры, санитары. Все бегает куда-то, что-то делают. А ему хочется орать во все горло. Бить стены. Бить людей, врачей, полицейских и даже следака. Хоть на ком-то выместить то, как заломило грудину так, что он не мог вдохнуть.

На него поглядывают, косятся. Он в их понимание мира не вписывается. А еще замечает злорадство и презрение.

С таким отношением, Пётр на своем веку сталкивался не раз, и научился срать на таких людей. Они ничто для него. Так, массовка и не больше.

Ведь встречают всегда по одежке. Вот и он в костюме, сшитом на заказ, дорогим пальто и эксклюзивными часами от известного модного дома, у этих людей вызывал зависть и презрение. Им не понять его горя. Они видят только то, что хотят видеть. Что дочку богатого человека изнасиловали, и теперь в отделении полно полиции, и весь город стоит на ушах. А ради простой девчонки такого бы шума не устроили.

Шепотки неслись вслед его шагам.

Даже пациенты, лежащие в отделении травматологии, и то смотрели осуждающе.

Людям ведь не объяснишь, что свой достаток и положение он заработал сам. Кровью и потом. Задержками на работе. Потерей первого брака. Нервами. И уже седыми висками. Хотя ему еще и сорока пяти нет.

Он и объяснять ничего не собирается. Всем рты не заткнешь. Его это не трогает. А вот его девочку затронет. Все эти взгляды, шепотки. Это поначалу будут сочувствовать, но надолго жалости не хватит. Начнут осуждать, говорить что-то типа «сама виновата» или «если сучка не захочет, кобель не вскочит». Адвокатская практика Петра Афанасьевича позволила сделать такие выводы. Некоторые жертвы насилия не выдерживают именно вот этого осуждения от общества, от родных и друзей, от сокурсников, и так далее. Итог: самоубийство, или его попытка. Кому как повезет.

Девушек и женщин, сумевших пережить ужас и насилие, добывает общественное порицание.

Но похоже, теперь он будет весь седой.

Его малышка. Его Ксюша несколько раз приходила в себя, но не понимала кто она и где находится. С ней рядом присутствовал психолог и следователь.

А вот Петр не мог.

Каждый синяк на ее коже, каждый ее потерянный, беспомощный взгляд... ножом по сердцу.

Она не говорила. Повреждено горло. Потому что ее душили удавкой.

Сейчас он еле стоял на ногах, вспоминая слова следователя.

Она боролась. Пыталась кричать и еще сильнее этим повредила себе горло. И если бы не парни, что шли мимо и вспугнули насильника, возможно ее бы убили, как прошлых двух девушек. Ей хватило сил прокусить насильнику ладонь до крови, он ослабил хватку, и она смогла бороться активной.

Много ушибов и ссадин. Разбит затылок.

Криминалисты собрали много биоматериала (даже думать о том, что скрывается за этим определением, страшно, хоть он и так знает, юрист ведь), будут прогонять по базе. Так, как она единственная выжившая, предстоит составить фоторобот, описание. Подробная дача показаний.

Первые два часа после нападения она еще могла говорить, точнее сипеть, но следователь сумел разобрать пару предло-

жений.

Сотрудники опергруппы нашли сумку, телефон, и потерянный сапог. Также установили последние звонки и сообщения.

Дозвониться матери не сумели и нашли отца.

Петра спросили о каком-то Саше. Вроде это парень его дочери, а он и знать не знает кто это.

Спросили не просто так. Парни, что нашли Ксюшу утверждают, что она произносила это имя. Точнее, шептала, как помешанная.

Оперативники проверили телефон. Куча сообщений, звонков.

Первый подозреваемый, но отменили эту версию быстро. Когда произошло нападение этот Саша уже летел в самолете в другую страну. Чист. Не привлекался, не женат. Ведет свой бизнес. В городе был пару месяцев, заключал контракты.

Мужчина с каждым новым фактом приходил в ярость. Она хоть на какую-то долю, но укрощала душевную боль.

Бывшая жена не отвечала на телефон. У его дочери были отношения с мужиком, старше ее лет на десять, а он и не в курсе. Его девочку изнасиловали буквально в сотне метров от ее дома, и никто даже не попытался помочь, а людей там ходит много, он точно помнил. И если бы не этих два брата-акробата...

Он эту дуру, бл*дь, на куски собственными руками разорвет. Куда она смотрела? Жизнь свою строила, а дочь? Типа

выросла, готова к жизни реальной? Девочка, воспитанная в тепличных условиях, оказалась один на один с этой гребаной реальностью.

Боже, если б он только мог такую мысль допустить, нанял бы охрану.

Он растерян и не знает, как правильно себя вести. Все знания и весь его опыт куда-то подевались, и Пётр превратился в отца, дочь которого подверглась насилию.

Ей больно, страшно. Она молчит и только смотрит. Моргает на вопросы следователя. Закрывает все тело одеялом, шугается касаний. Похожа на испуганного дикого котенка.

Для нее сейчас все враги. Угроза ее жизни.

И мать, которая должна быть рядом, не берет трубку, бл*дь!

Пётр сидел на кушетке, притащенной специально для него. Сидел возле палаты и пытался собраться с мыслями.

Не мог отстраниться и начать работать. Это ведь девочка, его малышка, которая в детстве выбила ему зуб пяткой, и любила играть в прятки. Не потерпевшая, и не клиент. Это его дочь.

Он настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как рядом присела женщина – психолог.

– Вы дозвонились до матери Ксении?

– Нет, но мои люди уже ищут по другим каналам, найдут ее мужа, может, хоть он ответит.

– Хорошо, думаю присутствие матери Ксении поможет.

– Вы... вы можете сказать, как мне себя вести? Что делать? По работе я сталкивался с разными случаями, но сейчас не могу сообразить, а ошибки в нашей ситуации могут стать фатальными.

Людмилу искренне поразил этот мужчина. Уже не молод, со своими принципами, жизненным опытом. Сильный, капельку властный, в меру эгоистичный. Такие, если признают поражения, то с трудом, но выносят урок на будущее. Но вот, чтобы признать себя неспособным что-то сделать и попросить помощи... это дорого стоит.

Его гнев и его ярость могли затуманить рациональную часть. Но он держит эмоции под контролем и готов к диалогу. Ради дочери.

А это значит, у девушки есть шанс пережить все случившееся, и жить дальше.

– Ваша дочь проявляет признаки посттравматического стрессового расстройства. Вы должны понимать, что сейчас ее состояние нестабильно и будет стремительно меняться, как только она полностью осознает случившееся. Все ее реакции будут уместны, вы должны это понять и объяснить другим родственникам. На нее нельзя давить или принуждать. Но это не значит, что нужно пускать ситуацию на самотек. Я порекомендую вам психотерапевта, но вы сможете его нанять только после разрешения Ксении.

– А она может отказаться?

– Ее психотип личности говорит именно об этом. Любая попытка принуждения будет воспринята ею, как насилие над разрушенной личностью. Она потеряна сейчас и не верит в случившееся. Но это только начало. Вам придется наблюдать за ней. Смотреть: что ее пугает, в чем она видит опасность. И по мере возможности на время избавить ее от этих факторов, а возможно даже людей. Процесс восстановления ее личности и здоровой жизни может занять месяцы, а то и годы. Ваша задача, да и психолога, помочь ей пройти все этапы лечения и восстановления как можно эффективней, а не быстрее.

– И с чего нам начать? Вы говорите: психолог только по ее желанию.

– Ваша дочь цеплялась за свою жизнь, боролась. Она боец по природе. У нее будут навязчивые мысли, чувство вины, фантомная телесная агония. Но она захочет снова бороться за себя, пусть не сразу, но такое желание появится, и следует ей помочь. Пока просто будьте рядом и ограждайте ее от чужих людей.

– Она не будет меня бояться?

– Вы ее били? Или как-то пугали? Если нет, то не должна.

– Спасибо вам!

Женщина ушла, а он снова остался один. Не рискнул зайти в палату.

Голова была будто ватная, какая-то бесформенная, и Ксюша не ощущала ее, как часть своего тела.

Перед глазами все кружилось, нечеткие очертания комнаты и те шли кругом.

Она с трудом смогла разлепить веки, они ощущались слишком тяжелыми, и все силы уходили на то, чтобы просто посмотреть перед собой.

Тело ныло. Болело. С нее будто содрали всю кожу и облили кислотой. Все чесалось и горело, жгло. И запах.

Боже, откуда этот мерзкий запах? Какой-то парфюм, слишком приторный и навязчивый. Невыносимый мерзкий запах.

Она вся провонялась им.

По коже пополз мороз.

Вспышка. И она видит глаза. Страшные. Злые.

И руки. Чьи-то руки. Они холодные. От них больно.

Ксюша хотела позвать кого-то, но горло обожгло болью так сильно, что на глазах слезы выступили.

Память возвращалась как-то урывками. Отрезками...

Они хотели увидеться. Саша ждал ее возле дома... И человек. Мужчина за спиной. Он...

Ее затошнило.

Ксюша с трудом смогла перевернуться на бок. Увидела тумбочку и какие-то лекарства. Но тазика не было.

Она ощущала вкус его крови во рту. Мерзкий. Железный.

Ее организм не выдержал. И рвотные позывы достигли це-

ли, ее стошнило прямо на пол.

Видимо, ее возню услышали. Дверь резко открылась.

Она захрипела от накатившего ужаса, начала отодвигаться и не увидела, что это край узкой постели, кубарем свалилась на холодный пол и запуталась в одеяле.

Мужчина едва слышно ругнулся.

– Ксюша... – тихо позвал знакомый голос, – Это я, детка, это я – папа. Слышишь? Я не причиню вреда. Можно я подойду?

Мужчина стоял недалеко от кровати. Ее все еще трясло от страха, ужас морозом по коже, но умом она понимала, что это ее отец. Ее папа. Не тот мужчина.

Но сердце стучало бешено. Горло сдавило. Она поползла к стене. Забилась в угол и мотнула головой.

Папа кивнул.

– Хорошо. Я не буду подходить. Просто посижу рядом, ладно?

Ксюша кивнула. Рациональная часть все понимала и видела. Но что-то внутри нее тряслось и кричало от ужаса. Она не могла заставить себя встать или кивнуть.

Ее опять затошнило от привкуса во рту. Но тазика поблизости не находилось.

Она попыталась встать, наконец, увидела дверь в комнате, – ванная. Там должен быть унитаз.

Ноги не слушались. Она пошатнулась. Папа подскочил помочь и поддержать. Но ее снова сковал такой ужас, что она

заорала, несмотря на боль в горле.

Кажется, она впервые в жизни заметила в глазах отца страх и слезы.

– Я не подхожу, детка, не подхожу! – мужчина поднял руки, – Тебя тошнит? Я принесу что-нибудь сейчас.

Ее всю снова затрясло. От боли в горле текли слезы по щекам. Голова гудела. Тело не слушалось и ныло. Она боялась смотреть на свои ноги. Боялась увидеть следы.

Папа вернулся не один, с какой-то женщиной в мятного цвета медицинском костюме. Она в руках держала что-то похожее на квадратный тазик.

– Помочь дойти до ванной? – у женщины был мягкий голос, но она выглядела такой хрупкой, а Ксюша ощущала свое тело чугуном, потому мотнула головой отрицательно. Тогда женщина подошла ближе и просто протянула тазик, – Пол холодный, давай помогу сесть на кровать.

Ксюша бы согласилась, на полу было очень холодно, ее начинало ощутимо знобить. Но стоило только представить, что кто-то коснется ее тела, и снова затошнило от ужаса, но теперь хоть было куда сплюнуть рвоту.

– Ты не хочешь, чтобы тебя касались? – папа снова сидел на полу и смотрел на нее, она кивнула, – У тебя что-то болит, детка? – она кивнула.

Папа смотрел на нее так странно. Смесь какого-то ужаса и скорби. Жалости. Любви. И чего-то еще. У нее сердце заболело от его взгляда.

– Извините, мы... мы можем ей дать какую-то таблетку или еще что-то?

Медсестра отошла от нее, смотрела настороженно, будто ждала, что Ксюша сейчас на нее с кулаками кинется.

– Я поговорю с доктором и дам вам знать.

– Хорошо, спасибо!

Петр просидел вместе дочерью на полу несколько часов.

Никаких дополнительных лекарств ей дать не разрешили. С ее сотрясанием это было опасно.

Его девочку рвало еще несколько раз. Но она упорно сидела на полу, прислонившись спиной к стене.

Они молчаливо говорили между собой, обмениваясь лишь взглядами.

У него сердце рвалось на части, когда мысли дочери возвращались к тому, что случилось. От отвращения ее опять тошнило.

Но хуже было другое.

Ее глаза. Теплые, яркие, живые... теперь потухли. Будто кто-то выключил какой-то рубильник, и ее внутренний свет погас.

Он видел в ее глазах обреченность, страдание. Полный мрак и ни капельки былого света.

Она спрашивала у него глазами.

«За что, папа? Почему я?»

А он не мог ей ответить. Разве он знает за что им это? Почему именно с его девочкой такое случилось?

Не объяснять же ей, что она просто внешне подходила под типаж жертвы. Миниатюрная светлая брюнетка, молодая, красивая. Носящая юбки, и любящая светлые оттенки. По словам следователя, все жертвы ходили в одно и то же место. Районный дом культуры, там кружков разных полно. А Ксюша с детства обожала танцы, так и продолжала ходить туда после поступления в университет.

Это он свой дочери должен сказать?!

Если эту гниду не поймают, он всю жизнь будет его искать. Сам. И закопает. Тоже сам.

Ксюша вырубилась через четыре часа. Он подумал, что заснула, но как сказал врач, скорее потеряла сознание. Ее организм испытывает сильный стресс, и нервная система просто не выдержала. Нажала на кнопку «стоп» и решила перезагрузиться.

Пока его девочка спала, ее обмыли, поменяли больничную рубашку, постельное. Убрали следы рвоты и волосы тоже промыли, там еще была засохшая кровь от раны на голове.

Петр, наконец, смог немного ближе побыть с ней.

Просто взять за руку. Погладить по голове. Поцеловать в лоб.

Хоть сейчас мог коснуться дочери и не испугать при этом. Если бы хотел описать свое состояние, то не смог бы. При

всем своим красноречии не находилось слов для той агонии, что творилась в душе.

Врачи обходили его стороной. Сейчас он уже не напоминал богатого властного человека. Весь мятый, посиневший лицом. Тут уже не до прежнего пиетета.

Но Людмила, психолог, как-то из массы местных эскулапов выделялась.

Взгляд пронизательный, спокойный, знающий. Ее присутствие вселяло в него хоть какую-то надежду.

– Ее тошнило. Несколько раз, как я понял началось сразу, как она все вспомнила.

Людмила сидела рядом на кушетке, которую занесли в палату, и теперь они никому не мешали. Говорили полупшепотом.

– И у нее что-то болит. Я правда, не совсем понял, что именно.

Женщина кивнула, но взгляд от бедной девочки не отводила. Ей было жаль и ее, и ее отца. Страшно представить, что будет с ними дальше.

– Как я уже говорила, все ее реакции объяснимы. У нее может болеть, как и все тело, так и части, которые пострадали. Это психосоматическая реакция, то есть боль есть только в ее голове, а на самом деле физически она пострадала не так сильно.

– Она меня боится.

– Этот страх продиктован инстинктами. Она ведь сидела

с вами потом, значит, умом Ксюша понимает, что вы – это вы, а не тот мужчина. Такая реакция пройдет скоро, но на других мужчин останется на долгое время.

– У нее есть друг. Они росли вместе с самого рождения практически. Понимают друг друга с полуслова.

– И где он сейчас?

– В другой стране, я пока не ставил в известность его и родителей. Решил спросить вас.

– Они только дружили или было что-то еще?

В двух словах тут ответить сложно. Петр помнил, как однажды заметил этот взгляд у Давида: собственнический, жадный. Но решил не вмешиваться, дети сами разберутся. Не разобрались, к сожалению.

Возможно, будь Давид рядом, и не случилось бы ничего. Петр, конечно, понимал, что его злость на парня неправильная, но не злиться не мог. Ведь Давид всегда Ксюшу домой провожал, когда они вместе были где-то, да и вообще старался, чтобы его дочь одна вечером домой не шла.

Правда, если вспомнить о наличии этого непонятного Саша, картина отъезда парня в Лондон приобретает другие краски.

– Как вам сказать? Давид был влюблен, а Ксюша видела в нем друга и брата, но не своего мужчину.

– Тогда молодому человеку не стоит быть здесь сейчас.

– Почему? Я должен ему сказать, мы семьями дружим столько лет.

– Этот парень любит веселую и красивую девушку. Он знает ее прошлую. А Ксения сейчас будет другой. Она возненавидит себя прошлую и будет лепить из разорванных кусков кого-то другого, понимаете? И напоминание о прошлой жизни будет только причинять ненужную боль. Возможно, когда она будет готова, позже, Ксения сама расскажет своему другу все. Когда не будет считать себя виноватой, грязной и недостойной. Когда не будет стыдиться.

Слова были правильные, умом он это понимал. А вот сердцем... сердцем отрицал. Потому что его девочка ни в чем не виновата. Ей не в чем себя винить и стыдиться.

Но психика – это не то, что можно просто объяснить. Никакие аргументы в пользу его отцовского мнения тут не помогут.

Людмила права, он это знает. И его девочка уже начала этот путь самоуничтожения, -потухший обреченный взгляд тому прямое доказательство.

В коридоре отделения послышались какие-то громкие шаги, недовольные возгласы, плач. К палате кто-то стремительно приближался.

Петр посмотрел на дочь. Она хмурилась во сне. И спала, лежа на спине, хотя он знал: ей неудобно. С детства терпеть не могла так спать. Но даже сейчас, во сне, зная, что в реальности она в больнице, Ксюша прятала спину.

На нее напали со спины, закрыли рот и начали душить.

В голове складывалась полная картина произошедшего. Но только в голове. Душа требовала мести и крови.

Снова послышался возмущенный вопль, и он вышел из палаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Медицинский персонал таки заставил его бывшую жену накинуть халат и бахилы. То же сделали и Смоллов с женой. Ну что тут сказать: цирк, да и только.

Камилла в ярком платье, сапоги на каблуке, кожа сверкает загаром. Лицо, одутловатое от слез, глаза лихорадочно блестят. На какой-то миг ему даже расхотелось ее придушить. Но только на миг.

– Где моя малышка? Что с ней? – заголосила женщина, нервно смахнула слезы со щек и попыталась войти в палату к дочери, но Петр преградил ей путь.

– Успокойся! – рявкнул тихо, не повышая голоса, дернул за локоть и поволок к выходу из отделения, они быстро оказались на пожарной лестнице, – Она спит и если ты ее разбудишь своим рёвом, клянусь, я тебя придушу!

– Не смей со мной говорить таким тоном, Петя, ты мне никто! – ее голос задрожал от слез и возмущения. Света Смоллова бросилась подругу успокаивать и утешать, гневно зыркнула в сторону Петра.

Видит бог, он не хотел ее винить, устраивать скандал в стенах больницы. Но его нервы не железные. Он живой человек.

– Рот закрой и слушай сюда! – Кеша попытался его остановить, но Петр от его рук отмахнулся и надвинулся на бывшую жену скалой, – Твоя дочь попала в беду, а ты почти десять часов не брала трубку, бл*дь! И ты будешь мне тут устраивать слезливую мелодраму?! Какого хрена я должен искать тебя по всему миру через пятые лица? Ты совсем от мужика этого ополоумела? Ты ее мать, это ты должна быть рядом!

– А с тебя прям убудет с дочерью побыть? В кой-то веки ты со своим ребенком, и предъявляешь мне претензии. Она не маленькая, и она была не против моей поездки!

Истерика и страх о дочери уже позабыты. И, как всегда, при их встрече пошли упреки.

– Ты бл*дь тупая? Я мужик, понимаешь, мужик! А ее изна-си-ло-ва-ли! Я для нее враг! Ты! Ты должна быть рядом, а не трахаться за бугром с каким-то альфонсом! Как только ей станет легче, я ее заберу к себе, поняла?! И живи с кем хочешь, и как хочешь!

– Ты не посмеешь!

– Ты слышала, что я сказал? Твою дочь какая-то мразь изнасиловала, а тебе важно заберу я ее или нет, потому что деньги я потом тебе переводить не буду?!

– Хватит-хватит, – Кеша встрял между ними, – Успокойтесь!

Света ушла за валокордином, потому что их всех начало трясти.

– Что мы можем сейчас сделать? Чем помочь? Она при-

шла в себя? Показания взяли? Что врачи говорят?

Кеша Смолов засыпал вопросами. Мужчина переживал за девочку, которую крестил через два месяца после рождения. Она на его руках выросла. Эта девчушка помогла его сыну пройти через ад в детстве. Не мог он быть равнодушным к ней, не мог. Хоть иногда и хотелось. Его сын был влюблен, безответно. Какой родитель будет спокоен в таком случае? Не он, точно. Но сейчас некоторая обида за своего наследника прошла, как и не было ее. Осталась только боль за эту девочку. И вина. Вина потому, что он мужчина.

Когда женщины хряпнули по рюмочке успокоительного, Петр, наконец, смог говорить нормально.

– Физически она пострадала не страшно. Разрывы... в общем там ей все зашили. Голову тоже..., она сильно ударилась и получила сотрясение. Ссадины, царапины. Хуже с горлом. Повредились хрящи гортани и мягкие ткани. Там пока отёк сильный.

– Как повредились? – Камилла ахнула и схватилась за сердце, – Ее... ее...

Кажется, до нее только сейчас в полной мере дошла ситуация.

– Ксюшу душили, да, – хрипло выдохнул, а самого снова затрясло внутренней дрожью от ярости. Она никуда не делась. Но и выхода дать ей он пока не мог.

– Ксюша может говорить? – Кеша видел с каким трудом старый друг контролирует себя.

– Нет, пока что. Спадет отек и будет видно, так говорят врачи. Психолог считает, что это еще и моральная травма для нее, и не факт, что как поправят ей горло, она сможет себя пересилить.

– Психолог?

– Да, она из консультации жертв насилия. Сразу начала работать с малышкой.

– Ты просил не говорить Давиду, но, если она не говорит, он лучше других сможет ее понять. Они ведь... ты же помнишь, что с ним было, Ксюша всегда его и без слов понимала.

Петр вперил в друга тяжелый взгляд, пригвоздил того к полу.

– Психолог говорит, что не нужно, значит, не нужно, – агрессивно заговорил, – И, если кто-то из вас попробует ему сообщить, и парень примчится из другой страны... я не посмотрю ни на что, изобью всех, а потом нахрен выброшу из больницы.

Все трое опешили от этой ярости, откровенной угрозы во взгляде и позе. Петр был готов броситься закатать любого из них в асфальт или в бетон.

– Твой парень может ее добить, понимаешь? Физически ей не так плохо, а вот психическое здоровье... Я вас очень прошу не делать ничего, если вы не обсудили этого с психологом. Хотите помочь, пожалуйста, никто не возражает. Но помочь нужно правильно.

Света и Кеша кивнули, а вот Камилла полыхнула взгля-

дом.

– Я ее мать, я не могу ей навредить!

Нервы сдали.

Резко выбросил руку вперед, схватил эту дуру за шею и притянул к себе. Нос к носу.

– Одумайся, очень тебя прошу! Открой свои глаза и заставь мозги работать, иначе, богом клянусь, я тебя удавлю.

– Петя, успокойся! – кто-то попытался его отодвинуть, но ему все равно, ярость затуманила сознание.

– Да, иди ты нахрен со своим «успокойся»! Мою девочку какой-то урод изнасиловал, у нее был роман со взрослым мужиком, а эта курица все никак не поймет, что это и ее вина тоже! Она мать, она должна рядом быть!

Мужчина отпустил напуганную женщину.

– При разводе ты обещала о ней заботиться, поэтому я уехал. Ты обещала мне! Это твоя забота???. Бить себя пяткой в грудь и кричать: я ж мать, – ты можешь. Бросить ребенка одну в городе и укатить хрен знает куда и насколько, ты тоже можешь. А взять трубку вовремя- нет. Как так? Твоя дочь билась в истерике, когда увидела меня, потому что я мужчина. На тебя бы она реагировала по-другому! Но теперь ты хрена с два будешь рядом. Ты не способна заботиться о ней.

– Ксюше давно восемнадцать, она сама решит где ей жить!

– Пять часов в самолете лететь, мне интересно, что ты делала в это время? Может быть, искала хоть какую-то информацию про случаи насилия, просто, чтобы знать, что

твой ребенок переживает?!

– Прекрати делать из меня идиотку! – женщина взвизгнула, топнула ногой, – Думаешь ты один такой умный? Весь из себя крутой!?

Петр продолжать скандал отказался, просто развернулся и ушел в отделение. Хватит того, что они и так устроили представление на публике.

– Я не закончила, вернись немедленно!

Если б Кеша ее не дернул, он бы впервые в жизни ударил женщину.

Можно было бы списать все на шок, но нет. Шок сейчас у Ксюши, а у ее матери это хроническое состояние идиотизма.

Петр никогда не стремился открывать дочери глаза на мать. Предпочитал быть злом в их семейной истории. Теперь же все будет по-другому.

Захочет помочь Ксюше, то только под его присмотром, не иначе.

Он тихо вошел в палату и сразу наткнулся на острый взгляд. Ей страшно. Но она силится улыбаться.

Для него. Его девочка сильная, она все сможет пережить. Поэтому он тоже улыбнулся. Так же, как и она, сквозь слезы и боль. Кривой улыбкой, но все же...

ГЛАВА 3

Шли дни, тянулись ночи... медленно и страшно. Ксюша понимала сколько прошло времени по визитам врача, медсестер и следователя. По ним можно было сверять часы. Правда, нужно сначала понять алгоритм их посещений, тогда определение времени не составит никакого труда.

Врач мужчина. Ксюша никак не могла запомнить его имя, кажется, он был грузин по национальности, с совсем не грузинским именем, и очень примечательным акцентом. Маленького роста, немного сутуловат и пухловат. Но глаза озорные и смешливые. И руки теплые. Он единственный из мужчин не вводил ее в ступор своим появлением. Когда этот забавный мужчина зашел к ней впервые, и она была в сознании, страх сковал все тело, озноб прокатился по коже и ее бросило в холодный пот. И это дикое желание спрятаться, заползти под кровать, забиться к стенке и не высовываться пока он не уйдет... Но это было в первый раз.

Мужчина был немолод, но похоже, что таких пациенток у него не имелось. Ксюша это поняла, когда он начал осмотр швов, и ее горла. У него едва заметно дрожали руки, а в глазах читалась паника.

Она сама не могла пошевелиться, руки вцепились в края кровати так, что потом пришлось прибегнуть к помощи, что-

бы их разогнуть. Мышцы светло судорогой от перенапряжения.

Врач заметил, как она держится за кровать. Она бы объяснила, что так заставляет себя оставаться на месте, что хотя бы так, но способна контролировать свое тело. Инстинкт кричит: беги, прячься. А разум приказывает: лежи,— это для твоего же блага.

Легкая форма шизофрении, не иначе.

Она вцепилась в койку, а у него дрожали руки. Но оба справились и остались даже в какой-то мере довольны друг другом.

Ксюша научилась слышать его шаги в коридоре отделения, узнавала их и успевала заранее успокоить разбежавшиеся нервы. Не хваталась за кровать больше, не закусывала щеку до крови, сдерживая крики. Спустя несколько дней перестала дрожать от его появления.

Так вот, врач приходил два раза в день. Утром, в восемь часов, и вечером, в пять. Так она научилась определять для себя эти два отрезка времени.

Медсестры приходили через час. Помогали вставать с постели, водили до ванной. Делали уколы, ставили капельницы, следили, чтобы она пила все прописанные таблетки. Из-за них Ксюша ощущала себя слабой и безвольной, не способной самостоятельно банально сходить по нужде.

Они появлялись, смотрели на нее, едва скрывая свое отношение, и через силу делали свою работу.

А ей хотелось орать! Орать на них!

Первые два дня ей сочувствовали, жалели.

А потом у некоторых она заметила эти взгляды. Презрительные, грязные. Будто она в г*вне извозилась, и их заставили ее мыть, отчищать.

Но говорить она по-прежнему не могла. Только смотрела на них, а в душе закипал такой гнев, такая ярость, что кулаки сжимались и возникало желание схватить кого-то из этих куриц за волосы и окунуть мордой в унитаз, или лучше головой об стену стукнуть.

От того, что с ней случилось Ксюша не отупела и не сошла с ума, хотя, наверное, это было бы лучшим вариантом. Потому что, когда так смотрят посторонние люди, из раза в раз, изо дня в день, появляются мысли.

Возможно, они правы? Возможно, она сама виновата? Если это случилось именно с ней, значит, что-то... что-то... привлекло того человека.

Вина накатывала на сознание, обрушивалась на тело тошнотворной волной, и Ксюшу опять выворачивало наизнанку.

Следователь приходил через день.

Зачем? Она все равно не могла говорить, только кивала или мотала головой, потом правда, начала писать в телефоне, но пальцы плохо слушались, стоило начать все вспоминать. Буквы двоились перед глазами, руки тряслись. А тело немело и начинало гореть.

Ксюша знала, что ее мыли, когда она была в бессознатель-

ном состоянии, но все казалось, что она грязная. Кожа зудела, но там не было сыпи. Зуд был, сыпи нет. Чистая, бледная, с синяками и царапинами кожа рук.

И все равно ощущала себя грязной, испачканной. И хотелось вымыться самой. Своими руками, другим она не доверяла. Но сил не было. Накатывала слабость, в глазах темнело и гудела голова. Врач говорит,— это следствие тяжёлого сотрясения.

Частично она в это верила.

Но в глубине души знала от чего появился такой внутренний запрет. Если мыться, то полностью, и нужно посмотреть на ноги, коснуться себя ниже лобка. Испачкаться. Ее передергивало от таких мыслей, что уж говорить о том, чтоб сделать?

На ноги она так и не смотрела, начинало тошнить и появлялось ощущение, что по ним стекает жидкость.

У нее не было истерик, она не плакала, не кричала.

Молча переносила эти взгляды мерзкие, от персонала больницы, делала вид, что не слышит шепотки и не видит, как мимо палаты порой проходят больные и с любопытством вытягивают шеи, пытаясь заглянуть и сунуть к ней нос.

Плевать было на них. На них всех.

Она провела в больнице уже неделю. А из сокурсников никто даже не пришел ее навестить, писали сообщения, ее стена в соцсетях стала площадкой для излития сочувствия и баталий по поводу системы правосудия. Поэтому, заходить

на свою страничку она перестала.

Хуже было от присутствия матери.

Ее милая и добрая мама не понимала, что своими слезами делает только хуже. Эти ее увещевания и причитания «как же так, девочка моя, что же мы будем делать?» просто доби-вали.

Отец пытался маму урезонить, но та его не особо слушала. Она могла только реветь, гладить Ксюшу по голове и причитать, что ее бедное сердце не выдержит всего этого.

Внутри Ксюша вся кипела, когда слышала это. Ей орать хотелось в ответ, швыряться вещами, бить всех. А ее сердце это выдержит? Выдержит???

Папа в такие моменты отворачивался или вообще уходил из палаты. Его жутко это бесило, но кричать было глупо. Это же мама.

Ксюша старалась не слушать.

Потому что... на душе становилось до такой степени тошно, что казалось, лучше бы она умерла, сдохла бы в том переезде и никогда бы не видела, как ее отец стыдится того, что он мужчина, а мать стала похожа на зареванную курицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.